

УДК 71.82
DOI 10.52452/19931778_2021_4_200

ВАРЬИРОВАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ, МОДИФИКАЦИЯ ИДИОМ: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

© 2021 г.

П.С. Дронов

Институт языкознания Российской академии наук, Москва

dronov@iling-ran.ru

Поступила в редакцию 15.07.2021

Осуществляется уточнение терминов, широко употребляющихся во фразеологии: «вариант», «трансформация» и «модификация». Анализируются различные взгляды на лексико-грамматические изменения идиом. Делается попытка снять известные семантические противоречия между определениями варианта и варьирования, модификаций и трансформаций в отечественных и зарубежных научных школах.

Ключевые слова: фразеология, терминология, идиомы, варианты, модификации, трансформации.

Введение

Лексико-грамматические изменения фразеологических единиц исследуются в течение долгого времени (по сути, начиная с первых сборников пословиц и поговорок). Насущные вопросы для лексикографа – как описывать единицы, близкие по форме и значению, какой из вариантов считать основным и какой включать в вокабулу самым первым. Данная статья посвящена терминам «вариант», «модификация» и «трансформация».

Как отмечает А. Ланглотц, «утверждение о том, что идиомы в дискурсе часто варьируются, давно стало фразеологическим трюизмом» («it has long become a phraseological truism to say that idioms are often varied in discourse») [1, p. 173]. Варьирование является феноменом языка в его живом употреблении, и, как следствие, вариативную природу идиомы можно наблюдать только напрямую, через данные о ее актуальном употреблении [1, p. 175]. Варьирование является противоположностью фразеологической тенденции к устойчивости; и, следовательно, устойчивость, на первый взгляд кажущаяся отличительной чертой идиом, должна восприниматься как нечто относительное [1, p. 175; 2, s. 31]. В то же время очевидно, что, воспроизводя одни и те же единицы, мы можем и повторять их без изменений, и менять их в той или иной степени. Индивидуальная речь связана с реализацией языка, в том числе его фразеологического состава, в некоем сообществе – определенные слои этого сообщества, социально-возрастные группы, отдельные личности, пользуясь языком, создают условия для взаимодействия разного рода речевых систем –

возрастных, профессиональных, территориальных, индивидуальных. В результате такого взаимодействия и складывается реальный речевой узус, т.е. многослойное функционирование реального языка всех групп носителей одного национального языка. Речеобразование всегда носит творческий характер: в отклонениях речи заложены истоки языковых изменений. И варьирование, и устойчивость являются аспектами одного явления – воспроизводимости.

В работах по фразеологии мы встречаем три наименования изменений, которым может быть подвергнута идиома: варьирование/вариантность (см., например, [3–7]), трансформации/преобразования [8; 9] и модификации (см., например, [10]). В научном обиходе эти понятия часто оказываются вместе; варьирование часто понимается как результат трансформации или модификации, причем последние порой понимаются как синонимичные друг другу явления.

Рассмотрим определения варианта, трансформации и модификации в лексикографических источниках.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (редакция 1992 г.) читаем:

«**ВАРИАНТ** <...> 1. Видоизменение, разновидность. <...> 2. Разнотчение в тексте. <...>

ВАРИАТИВНЫЙ <...> В лингвистике: представленный несколькими вариантами, состоящий из вариантов» [11, с. 68–69];

«**ТРАНСФОРМИРОВАТЬ** <...> (книжн.). Превратить (-ащать) из одного в другое, преобразовать (-овывать). || *сущ.* **трансформация**» [11, с. 808];

«**МОДИФИЦИРОВАТЬ** <...> (книжн.). То же, что видоизменить (-нять). <...> || *сущ.* **модификация**» [11, с. 361].

В «Малом академическом словаре» даны следующие толкования:

«**ВАРИАНТ** <...> Разновидность, видоизменение чего-л. <...> || Одна из нескольких редакций какого-л. литературного, музыкального и т. п. произведения или отдельной его части. <...> || В шахматной игре: одна из возможных серий» [12, с. 137–138];

«**ТРАНСФОРМАЦИЯ** <...> (книжн.).

1. Преобразование, превращение, видоизменение. <...>

2. Понижение или повышение напряжения переменного электрического тока при помощи трансформатора.

3. Сценическое превращение, театральные или цирковой номер, основанный на быстром изменении актером своей внешности (костюма, грима, парика и т. п.).

[Лат. *transformatio*]» [13, с. 399].

«**МОДИФИКАЦИЯ** <...> Книжн.

1. Видоизменение предмета или явления, не затрагивающее его сущности.

2. Предмет или явление, подвергшиеся такому видоизменению, являющиеся разновидностью чего-л. <...>

[Франц. *modification*]» [14, с. 286].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (издание 1990 г.) В.М. Солнцев дает следующее определение вариантности:

«1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (например, разночтения в разных списках одного и того же памятника); 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом. Вариантность – фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка. Характеризуется с помощью понятий “вариант”, “инвариант”, “варьирование”. При первом понимании вариантности используются только понятия “вариант” и “варьирование”; то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или норма, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от нее <...> Под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, например видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остаётся сама собой» [15, с. 80].

В толкованиях разных словарей есть небольшие разночтения, однако очевидно, что у значений слов *вариант*, *трансформация* и *модификация* есть общий семантический компонент ‘видоизменение’. Если разночтения возникают при толковании данных слов как обще-

употребительных, то при толковании их как фразеологических терминов надо быть особенно осторожным и внимательным.

Варианты идиом

По Н.М. Шанскому, варианты фразеологизма – «его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности» [16, с. 57]. А.В. Кунин дает такое определение: «Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [17, с. 62]. В.Н. Телия отмечает, что «как варианты определяются видоизменения только означающего единицы» [7, с. 31]. Ключевое во всех определениях – идентичность фразеологического значения.

Как уже было сказано, далеко не все идиомы имеют одну устоявшуюся форму. Одновременно могут существовать несколько разных форм, и все они должны быть отражены в словаре, ср.: *палец/пальца в рот не клади*, *брать/взять на мушку <прицел>*, *нести [свой] [тяжелый] крест*, *водой не разольешь/разлить* (а также *неразлей-вода*). Выявление вариантов, их отображение в словаре – важные вопросы фразеографии.

Проблема варьирования идиом связана с разными аспектами их изучения:

– с вычленением идиомы как единицы, определением ее границ, установлением ее таксономической принадлежности (*вертеться как уж/змея на сковородке*);

– с проблемой семантики идиом, и прежде всего появления новых оттенков значения в контексте, взаимодействия пластов плана содержания между собой (*Как я съел собаку* [моноспектакль Евгения Гришковца]);

– с проблемой стилистических характеристик идиомы (<как> *пыльным мешком ударенный/пришибленный – авоськой стебанутый*).

Возможны их комбинации: например, первый и третий тип варьирования соединяются вместе при далеко зашедших эвфемизации и дисфемизации.

Возникает вопрос: у каких идиом бывают варианты? В.П. Жуков выделяет три группы фразеологизмов с вариантами на основе принципа аппликации, т.е. наложения на эквивалентное свободное словосочетание.

Первая группа – «фразеологизмы, которые могут быть противопоставлены свободным сло-

восочетаниям такого же лексического состава» [4, с. 169]. Этим объясняется существование идиом и свободных словосочетаний с близкой или полностью совпадающей компонентной структурой, ср.: *взваливать на плечи – положить на плечи, играть в прятки – играть в жмурки; умывать руки, махнуть рукой* как идиомы и свободные словосочетания. У идиом этой группы варьируются и глагольные, и именные компоненты, и предложные группы, и атрибуты (*детский лепет – младенческий лепет, восходящая звезда – восходящее светило*). В.Н. Телия замечает, что «специфика идиом заключается в том, что для них возможна альтернатива не только одного-двух компонентов, но и всего лексического состава» [18, с. 27–28].

Вторая группа – неаплицируемые фразеологизмы, у которых один из компонентов является смыслообразующим (*без дальних слов – без лишних слов, на короткой ноге – на дружеской ноге*). Наконец, третья группа – это неаплицируемые фразеологизмы, все компоненты которых являются смыслообразующими, причем здесь варьирование проявляется сильнее, чем в предыдущих группах: *вылетать/выскакивать из головы/памяти/ума* [4, с. 170]. Типичными вариантами идиом являются рус. *валять дурака / ваньку валять*, англ. *a skeleton in a cupboard/closet, to work against time / the clock*.

У идиомы может и не быть никаких вариантов, ср. *подложить свинью* (впрочем, подобные идиомы могут быть подвергнуты модификациям, о которых будет рассказано ниже). По В.П. Жукову, отсутствие вариантов вызвано зависимостью вариантности от характера мотивации, от семантической спаянности компонентов; у *подложить свинью* значение в его интерпретации является целостным и немотивированным [4].

Как отмечает В.Н. Телия, варианты могут иметь различные смысловые оттенки: «*витать/парить в облаках/эмпиреях/между небом и землей*, где *витать в облаках/эмпиреях* отличается от *парить между небом и землей* смысловым оттенком бесплодности, фантазий, грез, а *парить между небом и землей* содержит оттенок отрыва от реальной действительности», в то время как есть «общее значение ‘предаваться мечтам, оторванным от действительности’» [18, с. 28]. Если появляются оттенки значения, то изменения касаются не только означаемого; впрочем, в данном примере *парить между небом и землей* и *витать/парить в облаках/эмпиреях* являются не только вариантами, но даже синонимами, ср. дефиниции в «Большом фразеологическом словаре»: *витать в облаках* <устар. – в эмпиреях> ‘бесплодно мечтать, быть непрактичным, уходить от действи-

тельности’; *витать в облаках кто* [относительно чего] ‘обманываться’ [19, с. 115]; *между небом и землей кто быть; остаться; болтаться; висеть* ‘в неопределенном, неясном положении’; *между небом и землей кто жить* ‘без пристанища, без крова’ [19, с. 377–378].

В то же время может меняться коннотация, ср. *надевать/надеть маску* <личину> *кто* [кого, чего] ‘скрывать свою истинную сущность, свои подлинные чувства, притворяться’ [19, с. 449]. Приведем примеры употребления¹:

(1) **а.** Вот она входит через западные ворота, заранее *надев на лицо маску деловой озабоченности и отчужденности* [Сергей Дигол. Старость шакала // Волга, 2012]. **б.** В следующий миг я, мгновенно устыдившись, *надела личину хозяйки* и, недоумевая, над чем они могли так смеяться, предложила продолжить чаепитие. [Елена Чицова. Лавра // Звезда, 2002]. **с.** «... *надев на себя личину примерного ученика и отличника*, обманым путем проник в наши ряды...» [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)].

Надевать/надеть личину (1б) имеет более отрицательную коннотацию, нежели *надевать/надеть маску* (1а). Это связано с семантикой самого именного компонента (ср. дефиниции у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «1. То же, что маска (в 1 знач.) (устар.). 2. перен. Лицемерное поведение, притворство (книжн.)» [11, с. 330].

Итак, определение варианта можно сформулировать следующим образом: вариант – это узувальное лексико-грамматическое изменение идиомы, при котором меняется только означаемое единицы, а значение остается прежним. Его денотативный компонент является общим для всех вариантов, например: *подносить на блюде/блюдечке/тарелочке* (также *на блюдечке с голубой каемочкой*), – однако может меняться коннотация.

Возникают вопросы: чем может быть обусловлено появление вариантов у идиомы? Можем ли мы включать в число вариантов грамматические изменения типа *палец/пальца/пальцем о палец не ударить, сбрасывать/сбросить маску/маски*? Если в первом случае это варианты, то во втором случае, скорее, разные формы в рамках грамматической парадигмы.

Чтобы объяснить подобные изменения, необходимо рассмотреть трансформации идиом.

Трансформации идиом

Любую идиому можно представить как кортеж слов и разделить на непосредственные составляющие (прежде всего, VP + NP, VP + PP). Исследование трансформаций напрямую связа-

но с трансформационно-генеративной грамматикой (ср. название работы Б. Фрейзера *Idioms within a Transformational Grammar* [21]). В «Аспектах теории синтаксиса» Н. Хомский пишет: «Возьмем, к примеру, выражения типа *take for granted* “считать само собой разумеющимся”, которыми английский язык изобилует. С семантической и дистрибутивной точек зрения это выражение представляется одной лексической единицей, и поэтому она должна быть включена в лексикон как таковая со своим собственным набором синтаксических и семантических признаков. С другой стороны, ее поведение по отношению трансформациям и морфологическим процессам с очевидностью показывает, что это – некоторый тип конструкций Глагола с Дополнением» [22, с. 174].

Б. Фрейзер указывает на то, что с точки зрения трансформационной грамматики фразеологизмы являются аномалией. В более поздних синтаксических теориях генеративистов (например, минималистской программе) фразеологизмы не рассматриваются вообще [23, р. 54].

Под трансформациями в генеративной грамматике понимаются правила, позволяющие образовывать новые синтаксические (поверхностные) структуры на основе тех структур (глубинных), за образование которых отвечают правила базового компонента [24]. К трансформациям относятся различные виды дискретности (*discontinuity*) и передвижения («передвинь *a*» [25, с. 583 и далее]):

– дативное передвижение вида *John gave a letter to Mary – John gave Mary a letter*;

– передвижение вопросительной группы, или *wh*-перемещение: *What did John give to Mary?*;

– топикализация (*Ваня дал Маше письмо – письмо Маше дал Ваня*) и пассивизация (*Ваня передал письмо – письмо передано Ваней*);

– номинализация (преобразование финитной клаузы в именную группу: *варвары уничтожили Римскую империю vs. уничтожение Римской империи варварами*);

– отрицательная трансформация, или допущение отрицания (англ. *negative placement*), например, *он начал об этом думать – он не начал об этом думать*.

Во фразеологии, в целом, трансформациями именуют аналогичные передвижения, ср. топикализацию (1a, b), номинализацию (1c) и адъективацию (1d) глагольной группы, изменения залога (1e).

(1) **a.** *ВТБ может продать «Ростелекому» свои акции (sic) в Tele2, и эта сделка получила принципиальное одобрение правительства, подтвердил глава банка Андрей Костин. По его*

словам, зеленый свет дал премьер-министр Дмитрий Медведев; сейчас идет процесс согласования конкретных технических условий (Публицистика Интернета). **b.** *Горбачев виноват во всем остальном (как генсек, повторим: Президента Айсин предусмотрительно не касается).* **В заваривании каши!** (Юрий Черниченко. Красный остров // Огонек. 1991. № 10). **с.** *За оказанную медвежью услугу я остался «благодарен» Гукасяну на всю жизнь* (Артем Тарасов. Миллионер, 2004). **d.** *Власти в очередной раз оказана грандиозная медвежья услуга* (обобщенный. НТВ доигралось в «Куклы» // Общая газета, 26.07.1995).

В то же время есть некоторые нюансы: так, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, помимо термина «трансформация», используют термин «синтаксическая модификация», причем одни и те же явления могут быть названы и модификациями, и трансформациями (например, пассивизация или ввод определения в [10]). А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко называют трансформациями (вернее, **преобразованиями**) все изменения семантики и/или структуры идиомы. К семантическим преобразованиям относятся двойная актуализация, экспликация внутренней формы в контексте (материализация метафоры, народно-этимологическое переосмысление), к структурно-семантическим – расширение компонентного состава (ввод определения), замена компонента, изменения в расположении компонентов (т.е. трансформации типа «передвинь *a*»), образование отфразем (слов – фразеологических дериватов), контаминация, конверсивные пары, «окказиональные ФЕ, возникающие на основе определенных литературных сюжетов» [9, с. 31–32] (словосочетания, отсылающие к прецедентному тексту, лежащему в основе идиомы: *крикнуть королю, что он голый vs. голый король*) и т.д. [9, с. 17–35].

Особо следует выделить такие трансформации, как конверсия и актанта́ная деривация: изменение семантических ролей в словосочетании здесь достигается не только путем передвижения составляющих, но и путем замены глагольного компонента: ср. рус. *быть под колпаком (у кого-л.) – держать под колпаком (кого-л.) – брать/взять под колпак (кого-л.), надеть маску – снять маску – сорвать маску (с кого-л.) – маски сорваны*; серб. *метати... главу у торбу* ‘подвергать себя опасности’ (букв. «бросать голову в мешок») – *носити главу у торби* ‘находиться в опасной ситуации’ (букв. «носить голову в мешке») – *изнети (хорв. *iznijeti*) / извући живу/читаву главу* ‘избежать гибели в опасной ситуации’ (букв. «вынуть/извлечь живую/целую голову»). В данном случае мы можем говорить о сло-

воизменительных парадигмах, основанных на конверсии, каузации и инцепции (ср. [26, с. 127]).

Очевидно, что поведение идиомы зависит во многом от ее синтаксической структуры. К примеру, легко могут трансформироваться идиомы со структурой VP + NP (*дать кому-л. зеленый свет*), VP + PP (*стрелять из пушки по воробьям*), NP + PP (*семь пядей во лбу* – тем более, структура NP + PP может быть превращена в VP + PP: *быть семи пядей во лбу / иметь семь пядей во лбу*). Их изменения (например, *стреляю из пушки по воробьям, дали бы зеленый свет*) укладываются в грамматическую парадигму словосочетания и определяются морфологической принадлежностью опорного компонента идиомы (в терминах В.В. Виноградова – стержневого слова) или ближайшего однословного эквивалента; ср.: «Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, то есть оно обладает системой форм» [27, с. 4].

Рассмотрим примеры изменений в рамках грамматической парадигмы у идиом со структурой VP + PP, VP + NP.

Не все идиомы с одинаковой структурой имеют похожую парадигму. К примеру, если идиома со структурой VP + NP занимает позицию аналитического прилагательного и поясняет некое предыдущее высказывание (*водой не разольешь*), изменение ее компонентов крайне ограничено, а иногда и вовсе невозможно. Можно сказать и *друзья – неразлейвода, и кто-л.* (как правило, *друзья*) – *водой не разольешь / не разлить*, но вряд ли можно изменить грамматическую форму компонентов идиомы *работа – не бей лежачего*.

Возможность образования парадигмы диктуется тем положением, которое занимает идиома: например, если ее ближайшим однословным эквивалентом является глагол, то она, вероятно, получит видовую и/или временную парадигму (ср. *дать дуба – дал дуба – даст дуба – давал дуба – дает дуба*).

(2) **а.** *Так бедолага и продолжал коротать свой неразменный червонец от звонка до звонка, если силенок хватало, если не «давал дуба», не сходил с дистанции где-нибудь в середине «забега»* (Георгий Жженов. Прожитое, 2002). **б.** – *Первый, – продолжал Витченко, – русский думает: поболит-поболит и перестанет, само рассосется. <...> – И какой же третий этап? – уже заинтересованно спросил Чернов. – Последний! – победно объявил Витченко. – Большой дает дуба!* (Михаил Ходаренок. Зенитные ракетные страсти // Звезда, 2001).

Трансформации могут быть представлены как в грамматической парадигме идиом, так и среди вариантов идиом, ср. *мерить на (какой-л.) аршин (кого-л./что-л.)* и *мерить (каким-л.) (кого-л./что-л.)* (3а, 3б), *пришей кобыле хвост и не пришей кобыле хвост* (3с, 3д).

(3) **а.** *Оставаясь в пределах гуманитарных, приходится мерить на свой аршин, а этот измерительный прибор у каждого свой* (Геннадий Горелик. Гравитация – первая фундаментальная сила // Знание – сила, 2012). **б.** *Сверхновые нельзя «мерить одним аршином». Ученые различают сейчас несколько их типов, основывая свою классификацию на особенностях их спектра* (Александр Волков. Бомбы темного неба // Знание – сила, 2009). **с.** *Нужен был тот Крым ему, как пришей кобыле хвост, а у нее уже свой* (Виктор Козько. «И никого, кто бы видел мой страх...» // Дружба народов, 15.05.1999). **д.** – *Он же учитель, а не так, не пришей кобыле хвост...* (Алексей Иванов. Географ глобус пропил, 2002).

Варьирование управления в (3а, 3б) обусловлено тем, что такие же модели мы видим и в свободных сочетаниях *мерить (чем-л.)* и *мерить (на что-л.)*, которые могут быть контекстуальными синонимами. Ср.: *мерить всё долларами, мерить на доллары*. То, что в (3д) операция введения общего отрицания в идиому (см., например, [10, с. 289–323]) не меняет ее смысла, можно объяснить снятием парадокса именованного: отрицательная частица *не* является «сигнификативным» компонентом, «выходящим» на прямую связь со значением идиомы (термины Е.И. Дибровой); ср. [3, с. 190–191].

Вариативность идиомы и возможность ее трансформации имеют свои пределы, которые позволяют ей не разрушиться и превратиться в свободное словосочетание. Ср. идиому *не бей лежачего*. Ее значение зависит от сопроводительного слова и контекста: в сочетании со словом *работа* она означает ‘[работа] слишком легкая, не требующая никаких усилий, забот, хлопот’ [19, с. 459], в сочетании со словом *работник* – ‘плохой, никуда не годный’ [19, с. 459], а в сочетании со словом *обучение* (4) – ‘плохое, без нацеленности на результат’.

(4) *А вот что касается общего образования, увы, оно досталось ему в русле процветающих в послереволюционные годы экспериментов: на педагогических курсах, куда Кондрашин поступил, в ходу было так называемое комплексное обучение по принципу «не бей лежачего», о знаниях учащихся мало заботились, зато в ходу были доносы, публичные покаяния, разборательства, способные все будущее перечеркнуть* (Н.В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе, 2003).

Сам материал подталкивает к изменению объема понятия «трансформация». Невозможно сводить трансформации идиом только к передвижению компонентов: трансформация – это процесс изменения плана выражения идиомы в речи, приводящий к образованию грамматической парадигмы идиомы или ее вариантов.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о том, синонимичны ли друг другу термины «трансформация» и «модификация».

Модификации идиом

В англоязычных источниках [28; 29] под модификацией понимается ввод в структуру идиомы modifier, т.е. несогласованного определения. В то же время [30; 31] допускают наличие модификатора в структуре идиомы, т.е. включают в число модификаций лексические субституции (например, *to flog/beat a dead horse* ‘тратить время и силы на невозможное’, букв. «бить/сечь мертвую лошадь»; *to be born with a wooden spoon in one's mouth*, букв. «родиться с деревянной ложкой во рту» вместо *to be born with a silver spoon in one's mouth* ‘родиться в богатой семье’, букв. «родиться с серебряной ложкой во рту»). При этом ввод определения, выраженного прилагательным, получает у М. Омазич название «приименная модификация» (adnominal modification).

Д.О. Добровольский употребляет термин «модификация» в несколько ином смысле – как окказиональный вариант («Ich gebrauche hier den Terminus *Modifikation* also in einem etwas anderen Sinn als *okkasionelle Variante*» [32, с. 479]).

М. Омазич отмечает: «Для обработки модификации слушающий или читающий должен быть в состоянии расшифровать причину самой модификации, т.е. быть в курсе ее коммуникативной задачи» («In order to process a modification a listener or reader must be able to decipher a reason for the modification, i.e. to be aware of its communicative purpose») [31, p. 72]. При этом все примеры, которые она приводит в своей статье, оказываются игровыми и заставляют воспринимать идиомы как в их актуальном значении, так и буквально.

Было бы упрощением считать все модификации идиом окказиональными и игровыми. Д.О. Добровольский предполагает наличие у говорящих определенной интуиции «относительно того, в каких случаях имеет место узуальная или близкая к узуальной модификация, а в каких – значительные отступления от стандарта. Естественно, в этой области остается много места для индивидуальных расхождений в подобных оценках, но отдельные субъектив-

ные суждения о стандартности того или иного выражения явно обнаруживают существенные совпадения» [33, с. 21]. Понятие языковой интуиции может быть сопоставлено с языковой нормой, которая, по определению В.А. Ицковича, представляет собой «существующий в данном языке в данное время в данном языковом коллективе комплекс закрепленных речевой практикой языковых средств и закономерностей их реализации» [34, с. 8]. Отклонение от узуса и нормы в речи, превращение индивидуального или окказионального в узуальное описано как непреложный механизм развития языка в работе Г.О. Винокура «О задачах истории языка» [35].

Что касается окказиональности, то она по своей природе может быть игровой или контекстно-зависимой. Языковая игра непосредственно связана с экспрессивностью, по В.Н. Телля, т.е. совокупностью не-нейтральности, остранения (стилистических приемов, интенсивности, расчета на образно-ассоциативное восприятие) и деавтоматизации; при этом сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и выделен из общего потока [36, с. 7]. Здесь можно также провести параллель с идиоматической креативностью по А. Ланглотцу, которая «показывает человеческое поведение, основанное на общих когнитивных принципах и процессах» и «появляется как фразеологическая компетенция говорящего, способность манипулировать идиомой как когнитивной микромоделью» («Idiomatic creativity reveals intelligent human behaviour that is based on general cognitive principles and processes. <...> It emerges as the speaker's figurative competence to manipulate an idiom as a cognitive micro-model» [1, p. 289]). А. Ланглотцу вторит М. Омазич, описывающая модификации в когнитивной парадигме: «новый, оригинальный, “одноразовый” образ “помещается” поверх известного и уже знакомого, создавая тем самым новую картину, новый образ и новое значение» («the novel, ‘one-shot image’ is ‘exposed’ on top of the old and already familiar one, creating a new picture, a new image, and a new meaning») [31, p. 73].

Но можно ли по умолчанию ставить знак равенства между языковой игрой, окказиональностью и модификацией? По-видимому, нет. Приведем в качестве примера идиому *бить себя в грудь* (5).

(5) **а.** Покупатели спрашивали: «Виноград импортный?» Конкуренты рядом таракцили глаза и **били себя в грудь**: виноград краснодарский... Хотя откуда в апреле виноград? А Саша соглашался: да, импортный (Токарева Виктория. Своя правда // Новый Мир, 2002). **б.** Наверное, владелец любого из них **будет бить себя**

кулаком в грудь: он развивает малый бизнес, дает рабочие места (Василий Дубовский. Шалман судьбы, (07.05.2013) // Новгородские ведомости, 2013). **с. Все это произошло позавчера, так что я все еще живу на чемоданах и коробках. Университет – очень милый, дел уйма, надо везде бегать, бить себя пяткой в грудь, рассказывать какой ты умный, и хороший, дабы занять хорошую репутацию в своей области** (Письмо младшим подругам, 1996).

В состав идиомы введены именные компоненты кулак (5b) и пятка (5c). Значение идиом остается прежним, однако в (5c) усиливается экспрессивность. Это обусловлено изменением образной составляющей (мотивационного компонента) путем доведения образа в основе фразеологизма до абсурда (*бить себя пяткой в грудь*). Поскольку денотативный компонент значения не изменен, *бить себя пяткой в грудь* можно считать вариантом идиомы *бить себя в грудь*.

При изучении такого вида модификаций идиом, как ввод определения, можно сформулировать два условия: условие семантической членимости и условие семантического согласования (см., например, [33]). Первое формулируется так: чем большей семантической автономностью обладает именная группа в составе идиомы, тем более осмысленной и узуально приемлемой представляется данная модификация (в основе параметра членимости лежит соотношение между структурой плана выражения идиомы и структурой ее плана содержания; модифицируемая идиома не имеет компонентов, значение которых невозможно восстановить из контекста или на основе их формы – или приписать). Идея об относительной автономности компонентов ряда идиом была сформулирована еще А.Н. Тихоновым и В.П. Жуковым: «Фразеологизмы могут быть членимыми и нечленимыми по значению, т.е. могут иметь простое (неразложимое) и аналитическое (разложимое на составные части) значение» [37, с. 93]; «Чем устойчивее фразеологизм, то есть чем семантически сплоченнее его составляющие, тем меньшей вариантностью он обладает, и наоборот» [38, с. 24]; ср. также [29; 39].

Условие семантического согласования формулируется следующим образом: в результате модификации не должно возникать семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с образной составляющей. Если оно совместимо только с фразеологическим значением, то модификация контекстно-зависимая; если только с образной составляющей – то игровая (модификация двойной актуализации).

Практика показывает, что, по крайней мере, условие семантической членимости применимо

и к другим модификациям – например, ко вводу адвербиала (6a), – а также к трансформациям (в особенности залоговым: мы можем сказать *дуба врезал*, но плохо сказать **дуб был врезан*) – ср. (6b).

(6) **а.** Публикуя этот отрывок, Н. Машковцев оказал подлинно «медвежью услугу» И.Э. Грабарю, который, несомненно, пересмотрел свои прежние воззрения на характер творчества В. Серова (В. Прокофьев, Р. Климов. Неполноценная хрестоматия, 09.05.1950 // Советское искусство. 1950. № 25 (1217)).
б. Вряд ли повреждение серьезно, однако растроенный бесконечной чередой неудач россиянин после всего случившегося может взять и поставить на этом сезоне жирный крест (Роман Средиземский. Основной инстинкт. Анна Курникова провела свой первый официальный матч за последние полгода // Известия, 31.07.2001). **с.** – Ну представь, – продолжал Черныкин, – допустим, все проблемы решены путем Страшного суда, все воскрешены, все живы, всем воздано по заслугам, все получили по милосердию, все хорошо, а дальше что? (Александр Иличевский. Перс, 2009).

Попытаемся дать определение модификации с учетом всего вышесказанного. Модификация – это изменение плана выражения идиомы, которое может затрагивать план содержания идиомы. В результате значение идиомы может быть привязано к контексту (контекстно-зависимые модификации типа *за семь верст выставочного киселя хлебать*, *подливать масла в огонь вражды*). Кроме того, может возникнуть самостоятельная единица с новым значением (ср. *наводит последний глянец* и *навести хрестоматийный глянец* при исходном *наводит/навести глянец*).

Узуальная модификация может сама стать вариантом идиомы: *поставить крест* – *поставить жирный крест* (6b); см., например, [40]. Здесь меняется план выражения идиомы, а план содержания остается в целом неизменным (если не считать интенсификации значения идиомы).

Выводы

В статье были рассмотрены разные определения и трактовки вариантов, трансформаций и модификаций. Несмотря на известное сходство определений, в них встречаются различия; иногда они вступают друг с другом в известное противоречие. Попытаемся их снять хотя бы частично.

Вариант – это узуальное лексикограмматическое изменение идиомы, при котором меняется только означающее единицы, а значение остается прежним. При этом может меняться коннотативный компонент значения.

Трансформация – это процесс изменения плана выражения идиомы в речи, приводящий к образованию грамматической парадигмы идиомы или ее вариантов. Трансформация обусловлена грамматикой соответствующего языка, положением и функцией идиомы в предложении. Трансформация включает как системные грамматические изменения, так и креативные изменения. Системная трансформация по виду, времени, лицу, роду, числу для глагольного компонента создает системные варианты, но она не затрагивает семантику, не вносит коннотации, как и системная трансформация по роду, числу для существительного.

Модификация – это изменение плана выражения идиомы, которое может затрагивать план содержания идиомы и приводить к образованию самостоятельных единиц.

Все три понятия связаны между собой и являются следствием лексико-грамматических изменений идиом. Варианты возникают в результате трансформаций, и модификаций. В сущности, модификация – это подвид трансформации (ввод модификатора или лексическая субституция), для которого характерна интенсификация значения, контекстно-зависимая или двойная актуализация.

Вопрос варьирования, трансформации, модификации идиом связан с более общими проблемами индивидуального в речи индивидуальной языковой личности, коллективной и персонализированной языковой картины мира.

При обращении к теме вариативности во фразеологии становится особенно заметно непрерывное движение и обновление этого языкового ресурса. Описание изменений выявляет связь между разновидностями одной и той же идиомы, особенностями таких параметров идиом, как устойчивость и воспроизводимость, говорит о роли традиции и новаций в «жизни» идиомы в дискурсе, о ее динамичности, сохранности и изменчивости на разных уровнях плана выражения – от фонетического до синтаксического.

Примечание

1. Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [20].

Список литературы

1. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. 326 p.

2. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erik Schmidt Verlag, 1998. 241 s.

3. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке // Диброва Е.И.

Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избранные работы. Т. II. М.: ТВТ Дивизион, 2008. 470 с.

4. Жуков В.П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986. 309 с.

5. Зимин В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1972. С. 70–82.

6. Краморенко Г.И. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1962. 19 с.

7. Телия В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1972. С. 30–69.

8. Добровольский Д.О. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 39–61.

9. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 860 с.

10. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А Темп, 2006. 944 с.

12. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А–Й. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

13. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4. С–Я. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797 с.

14. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2. К–О. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.

15. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.

16. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Специальная литература, 1996. 192 с.

17. Кунин А.В. Английская фразеология: теоретический курс. М.: Высшая школа, 1970. 344 с.

18. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

19. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

20. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

21. Fraser V. Idioms within a Transformational Grammar // Foundations of Language. 1970. Vol. 6. No. 1. 1970. P. 22–42.

22. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Пер. с англ. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 260 с.

23. Kuiper K. Syntactic aspects of phraseology II: Generative approaches // Burger H., Dobrovolskij D., Kühn P., Norrick N.P. (eds.) *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research*. 1. Halbband/Volume 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 53–62.
24. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. 1962. Вып. II. С. 412–527.
25. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. 798 с.
26. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, Наука, 2013. 312 с.
27. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 3–24.
28. Schenk A.Y. *Idioms and collocations in compositional grammars*. Utrecht: OTS, 1994. 189 p.
29. Wasow T., Sag I.A., Nunberg G. *Idioms: An interim report* // S. Hattori, K. Inoue (eds.): *Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists*. Tokyo, 1993. P. 102–115.
30. Bruening B. *Idioms, collocations, and structure: Syntactic constraints on conventionalized expressions* // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2020. Vol. 38. P. 365–424.
31. Omazić M. *Processing of idioms and idiom modifications: A view from cognitive linguistics* // S. Granger, F. Meunier (eds.) *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 67–79.
32. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
33. Добровольский Д.О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 18–47.
34. Ицкович В.А. *Очерки синтаксической нормы / Отв. ред. Ф.П. Филин*. 3-е изд. М.: Либроком, 2013. 200 с.
35. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Госуд. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 207–226.
36. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия*. М.: Наука, 1991. С. 5–35.
37. Тихонов А.Н. Семантическая членимость слова и фразеологизма // *Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка): Ч. 1. Тез. докл. и сообщ. / Под ред. В.П. Жукова*. Новгород: Новгородский гос. пед. ин-т, 1971. С. 93–104.
38. Жуков В.П. Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне // *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968)*. Тула, 1972. С. 20–29.
39. *The flexibility of French idioms: A representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar* // M. Everaert, E.J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 15–42.
40. Дронов П.С. Модификация структуры фразеологизма в узусе (ввод прилагательного в состав идиомы) // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2009. № 6. С. 36–44.

IDIOM VARIANTS, TRANSFORMATIONS, AND MODIFICATIONS: SPECIFYING THE TERMS

P.S. Dronov

The paper deals with specifying the widely-used terms in figurative language, namely *idiom variants*, *idiom transformations*, and *idiom modifications*. Analysing various interpretations of these in Russian and foreign phraseological schools, the paper aims at removing possible semantic discrepancies or contradictions.

Keywords: phraseology, terminology, idioms, variants, modifications, transformations.

References

1. Langlotz A. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. 326 p.
2. Burger H. *Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin: Erik Schmidt Verlag, 1998. 241 s.
3. Dibrova E.I. *Variability of figurative units in modern Russian*. In: Dibrova, E.I. *Lexicology, Phraseology, Syntax of Text: Selected Works*. Vol. II. M.: TVT Division, 2008. 470 p.
4. Zhukov V.P. *Russian Phraseology: A Textbook for Linguistic Universities*. M.: High School, 1986. 309 p.
5. Zimin V.I. *Concerning the variability of figurative units*. In: *Problems of Frozenness and Variability of Figurative Units*. Proceedings of the Interacademic Workshop (1968). Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Institute, 1972. P. 70–82.
6. Kramorenko G.I. *Phraseological Variants in Modern German Idioms*. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. M., 1962. 19 p.
7. Teliya V.N. *Idiom variability and principles of identifying variants*. In: *Problems of Frozenness and Variability of Figurative Units*. Proceedings of the Interacademic Workshop (1968). Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Institute, 1972. P. 30–69.
8. Dobrovolskij D.O. *Passivization of idioms (syntactic transformations in phraseology conditioned by*

- semantics). In: *Topics in the Study of Language*. 2007. № 5. P. 39–61.
9. Melerovich A.M., Mokienko V.M. *Figurative Units in Russian Speech: a Dictionary (Circa 1000 Units)*. M.: Russian dictionaries; Astrel'; AST, 2005. 860 p.
10. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. *Aspects of the Theory of Phraseology*. M.: Sign, 656 p.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80, 000 Words and Figurative Units*. Russian Academy of Sciences. Viktor V. Vinogradov Russian Language Institute. Fourth edition, enlarged. M.: A Temp, 2006. 944 p.
12. *Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes*. Vol. 1. A to J. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Fourth edition, reprinted. M.: Russian language; Poligrafresursy, 1999. 702 p.
13. *Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes*. Vol. 4. S to Ya. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Fourth edition, reprinted. M.: Russian language; Poligrafresursy, 1999. 797 p.
14. *Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes*. Vol. 2. K to O. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Fourth edition, reprinted. M.: Russian language; Poligrafresursy, 1999. 736 p.
15. Yarsteva V.N. (editor-in-chief). *Linguistic Encyclopedia*. M.: The Soviet Encyclopedia, 1990. 683 p.
16. Shanskiy N.M. *Phraseology of Modern Russian*. M.: Special literature, 1996. 192 p.
17. Kunin A.V. *English Phraseology: A Theoretical Course*. M.: High School, 1970. 344 p.
18. Teliya V.N. *Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguacultural Aspects*. M.: School «Languages of Russian culture», 1999. 288 p.
19. Teliya V.N. (editor-in-chief) . *The Unabridged Dictionary of Russian Idioms: Meanings, Actual Usage, Cultural Commentary*. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 p.
20. *Russian National Corpus [Electronic resource]*. URL: <https://ruscorpora.ru> (Date of access: 15.03.2021).
21. Fraser B. Idioms within a Transformational Grammar // *Foundations of Language*. 1970. Vol. 6. No. 1. 1970. P. 22–42.
22. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Translated into Russian. Edited and prefaced by V.A. Zvegintsev. M.: Moscow University Press, 1972. 260 p.
- Kuiper K. Syntactic aspects of phraseology II: Generative approaches // Burger H., Dobrovol'skij D., Kühn P., Norrick N.P. (eds.) *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research*. 1. Halbband/Volume 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 53–62.
24. Chomsky N. *Syntactic Structures*. Translated into Russian. In: *Latest Studies in Linguistics*. Issue II. M.: Foreign literature. P. 412–527.
25. Testeleys Ya.G. *Introduction to General Syntax*. M.: Russian State University for Humanities Press, 2001. 798 p.
26. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. *Foundations of Phraseology: a Brief Course*. M.: Flinta, Science, 2013. 312 p.
27. Vinogradov V.V. Principles of studying word combinations: a case of Russian. In: *Topics in the Study of Language*. 1954. № 3. P. 3–24.
28. Schenk A.Y. *Idioms and collocations in compositional grammars*. Utrecht: OTS, 1994. 189 p.
29. Wasow T., Sag I.A., Nunberg G. *Idioms: An interim report* // S. Hattori, K. Inoue (eds.): *Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists*. Tokyo, 1993. P. 102–115.
30. Bruening B. *Idioms, collocations, and structure: Syntactic constraints on conventionalized expressions* // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2020. Vol. 38. P. 365–424.
31. Omazić M. *Processing of idioms and idiom modifications: A view from cognitive linguistics* // S. Granger, F. Meunier (eds.) *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 67–79.
32. Dobrovol'skij D.O. *Studies of German Lexicon / Studien zur Deutschen Lexik*. M.: Languages of Slavic culture, 2013. 752 p.
33. Dobrovol'skij D.O. *Lexico-syntactic variability in phraseology: insertion of an adjectival modifier into the structure of an idiom*. In: *Russian Language and Linguistic Theory*. 2007. № 2 (14). P. 18–47.
34. Itskovich V.A. *Essays on the Syntactic Norm*. Edited by F.P. Filin. Third Edition. M.: Librokomb, 2013. 200 p.
35. Vinokur G.O. *On Aims and Concerns of the History of Language*. In: Vinokur, G. O. *Selected Works on Russian*. M.: State Publishing House of the Ministry of Education, 1959. P. 207–226.
36. Teliya V.N. *Expressiveness as manifestation of the subjective factor in language: pragmatic orientation of expressiveness*. In: Teliya V.N. (editor-in-chief). *The Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressiveness*. M.: Science, 1991. P. 5–35.
37. Tikhonov A.N. *Semantic analysability of a word and a figurative unit*. In: Zhukov V.P. (ed.). *Semantics of Figurative Units: Case Studies of Russian*. Part I. Proceedings. Novgorod: Novgorod State Pedagogical Institute, 1971. P. 93–104.
38. Zhukov V.P. *On frozenness and variability of figurative units on the semantic level*. In: *Problems of Frozenness and Variability of Figurative Units*. Proceedings of the Interacademic Workshop (1968). Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Institute, 1972. P. 20–29.
40. Dronov P.S. *Modifying the structure of a figurative unit in actual usage: insertion of an adjective into an idiom*. In: *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2009. № 6. P. 36–44.